

НАГУСЛАЕВА Е.А.

ФОРМИРОВАНИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ БУДДИЗМА С ВЛАСТЬЮ В КИТАЕ, КОРЕЕ И ЯПОНИИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта «Буддизм в социально-политических и культурных процессах России, Внутренней и Восточной Азии: трансформации и перспективы», № 14-18-00444.

Аннотация. Статья посвящена исследованию формирования взаимоотношений буддизма и власти в Китае, Корее и Японии, анализу процесса, выделению общих характеристик.

Ключевые слова: буддизм, сангха, Китай, Корея, Япония.

NAGUSLAEVA E.A.

THE FORMATION OF BUDDHISM – POWER RELATIONSHIP IN CHINA, KOREA AND JAPAN

Abstract. The article studies the formation of Buddhism and power relations in China, Korea and Japan, analyzes the process, and stresses general characteristics.

Key words: Buddhism, sangha, China, Korea, Japan.

На сегодняшний день, в контексте глобальных проблем этноконфессиональных конфликтов, межконфессиональных и внутриконфессиональных войн, терроризма, сепаратизма и экстремизма, все более очевидным становится процесс возрастания роли религии как фактора международных отношений. Религия приобрела колоссальное значение в качестве социально-политического феномена как для мирового сообщества в целом, так и для отдельных стран. В связи с чем, развитие буддизма несомненно делает его актуальным предме-

том для исследования данного феномена, включая и его взаимоотношения с властью.

Буддизм – величайшее религиозное учение, обладающее богатой историей своего развития и распространения. Зародившись в Древней Индии в VI веке до н.э., на базе индийских религиозно-идеологических учений [Васильев 1983, с. 54], благодаря активной миссионерской деятельности, он распространился далеко за пределы сферы индийского культурного влияния в большинстве стран Азии. Распространение буддизма в ареале традиционного культурного влияния Китая является самым ярким примером межкультурного взаимодействия в азиатском регионе. Согласно мнению отечественного синоведа Торчинова Е.А. «Именно распространение буддизма оказало решающее влияние на ход цивилизационного процесса и, в конечном счете, на формирование дальневосточного историко-культурного региона» [Торчинов 2011, с. 872]. Поскольку территории современных Кореи и Японии традиционно входили в орбиту культурного влияния Поднебесной, становится возможным проследить процесс становления взаимоотношений буддизма и государства в этих странах, выделив его общие специфические черты.

Путь распространения буддийской религии в указанном регионе начался в Китае, в который она проникла по Шелковому пути на рубеже нашей эры, преимущественно в своей северной форме Махаяны. Говоря о собственно китайском буддизме и его развитии, необходимо выделить тот факт, что укрепиться на китайских территориях он смог, только подвергнувшись китаизации [Васильев 1983, с. 368]. На территорию корейского государства в IV веке проник уже «китаизированный буддизм» благодаря деятельности монахов-пилигримов. Япония же стала знакомиться с буддизмом через дарение изображения Будды корейским государством Пэкче в VI веке [Matsuo 2007, с. 16]. Буддизму присуще стремление к распространению, чем объясняется большое количество странствующих миссионеров [Степанянц 2011, с. 888]. Таким образом, буддизм в регионе постепенно стал транслироваться не в качестве иноземной философии из далекой Индии, но в качестве элемента культурной матрицы орбиты влияния Среднего государства.

На начальном этапе распространения, в выделенном регионе, буддизму была присуща адаптация к существующим религиозным верованиям и философским концепциям. В Китае распространение буддизма изначально не было связано с политической востребованностью, так как идеологически господствовало конфуцианство [Янгутов 2016, с. 77], поэтому он долгое время воспринимался населением лишь как часть даосизма [Васильев 1983, с. 143], в Японии же – как особая форма магии в рамках стереотипа синто [Степанянц 2011, с. 915]. Возможно, именно данные обстоятельства сыграли роль в укреплении буддизма на новых территориях, поскольку они позволили ему распространяться постепенно, не вызывая отторжения у населения. В целом, в начальный период буддизм занимал вассальное положение в культурной, религиозной среде по отношению к традиционной философии и верованиям [Фан 1998, с. 7].

Однако в Корее буддизм на начальном этапе прошел другой путь. В период знакомства Кореи с религией Будды страна представляла из себя территорию, разделенную между тремя крупными королевствами – Когурё, Пэкче, Силла, в каждом из которых процесс проникновения буддизма происходил по-своему [Степанянц, 2011, с. 867]. Среди факторов успешного распространения буддизма в Корее выделяют отсутствие сильной религиозно-идеологической системы, слабость и аморфность местных культов. Кроме того, развитию буддизма в Корее способствовало покровительство ванов ранних корейских государств, вызванное характерной ролью буддизма как консолидирующего общества начала, что было чрезвычайно актуально для Кореи в эпоху раздробленности.

Эта характеристика буддизма в разное время проявлялась и в Китае, и в Японии, благодаря чему государственная власть благоволила деятельности сангхи. В Китае буддизм служил основой власти в Эпоху южных и северных династий, играв роль идеологии в северных государствах, где власть брала под контроль сангху, численность монастырей и монахов [Ch'en 1973, p. 82]. По свидетельству исследователей, в VIII веке императорская власть в Японии использовала потенциал буддизма для централизации власти, объявив его официальной идеологией [Dong 2014, p. 372].

Распространение буддийской религии означало формирование и расширение буддийской общины. Кроме того, это означало рост числа монашеского населения в каждом государстве. Данное обстоятельство вело к увеличению количества монастырей и их укреплению не только как религиозных объектов, но и крупных землевладельцев, поскольку чаще всего они не облагались государственным налогом и нередко получали в дар от государства и частных лиц земельную собственность [Lambert, 2001, p. 123]. В этой связи общим для истории китайского, корейского и японского буддизма являются периоды проведения антибуддийских кампаний.

В соответствии с императорскими указами 842-845 годов, буддийская община в Китае должна была сократить число послушников, слуг при монастырях, передать часть земельных владений государству, большие монастыри оказались теперь под контролем государства, было изъято личное имущество монахов [Мазур, 2014, с. 21]. В Корее к началу XV в. репрессии против буддизма также выражались в секуляризации земель [Степанянц, 2011, с. 887]. Примером антибуддийской кампании в Японии может служить движение Хайбуцукишаку в период реставрации Мейдзи, связанное с уничтожением монастырей и памятников [Encyclopedia of Shinto].

Государственная власть на протяжении всей истории стремилась контролировать буддизм, чтобы использовать его в качестве социального, политического инструмента. С этой целью власть осуществляла контроль монашеского населения, его численности и деятельности [Фан 1998, с. 7]. На начальном этапе укрепления буддизма в Китае существовала система относительного самоуправления монахов, подчиненных власти [Чжунго фоззяо байкэ цюаньшу 2000, с. 23]. Процесс огосударствления буддизма стал осуществляться во время династии Суй, когда власть взяла на себя контроль за численностью монахов и количеством монастырей, осуществляя перепись монашеского населения каждые три года [Ян 2007, с. 261]. Власть в Японии, чтобы контролировать рост сангхи, создала систему контроля и управления, инкорпорированную в аппарат государственного управления [Yand 2010, p. 158]. В Корее для этих целей существовала буддийская администрация из числа монахов и чиновников.

Благодаря исключительной географической, культурной и исторической близости Китая, Кореи и Японии, распространение буддизма в регионе Северо-Восточной Азии возможно изучать как единый процесс. Формирование взаимоотношений буддизма, буддийской сангхи с государством в данном регионе обладало определенными закономерностями и специфическими характеристиками. Среди них можно выделить следующие: стремление власти к установлению контроля над буддийской религией, в целях использования его как фактора, консолидирующего общество; рост монашеского населения, числа буддийских монастырей, их экономического потенциала, благодаря системе лояльного налогообложения или его отсутствия, получению монастырями земель в дар; рост влияния монастырей и сангхи, как крупных землевладельцев, непременно приводил к масштабным антибуддийским кампаниям по секуляризации земель.

Литература

Чжунго фочзяо байкэ цюаньшу. (Энциклопедия китайского буддизма). Шанхай, 2000. 450 p. - С. 230. (中国佛教百科全书。).

Dong Zhao. Buddhism, Nationalism and War: A Comparative Evaluation of Chinese and Japanese Buddhists' Reactions to the Second Sino-Japanese War (1937~1945) // International Journal of Social Science and Humanity, Vol. 4, No. 5, September 2014. С. 372-391.

Encyclopedia of Shinto. Kokugakuin University. <http://eos.kokugakuin.ac.jp/modules/xwords/Haibutsukishaku>

Kenji Matsuo. A History of Japanese buddhism., 2007. 264 с, p. 16.

Kenneth K.S. Ch'en. The Chinese transformation of Buddhism. University of Hawai'i Press, 1973. 356 p.

Lambert T. The Present Religious Policy of the Chinese Communist Party / Religion, State & Society. – 2001. Vol. 29, № 2. – P. 121-129.

Yang Zengwen. The Contribution of Buddhist Scholars toward the Friendship of China and Japan // The Institute of Oriental Philosophy Journal. Volume 20. 2010. С. 153-164.

Васильев Л.С. История религий Востока (религиозно-культурные традиции и общество). М.: Высшая школа, 1983. – 368 с.

Мазур Т.Г. Буддизм как элемент социальной среды в период обновления конфуцианской идеологии // Вестник БГУ. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2014. – № 6-1. – С. 19-23. – С. 21.

Торчинов Е.А. Буддийское мировоззрение и традиционная китайская культура / Философия буддизма: энциклопедия / Отв. ред. М.Т. Степанянц; Ин-т философии РАН. М.: Вост. лит. 2011. – С. 872.

Фан Гуанчан. Гуаньюй чу чуань ци фозяо дэ цзигэ венте // Фаинь. 1998, № 8. – С. 7 (方广鋈. 关于初传期佛教的几个问题 // 法音)

Ян Яочжун. Буддийские заповеди и китайское общество / Шанхай, 2007. – С. 261. (严耀中. 佛教戒律与中国社会. 上海古籍出版社).

Янгутов Л.Е., Халтаева О.Р. Религиозные верования в политической культуре императорского Китая. Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2016. 156 с.